православная газета для всех 12+

Наша вера

№ 8 (209)
17 сентября 2021

Это есть любовь к Богу, чтобы мы соблюдали заповеди Его; и заповеди Его нетяжки. Ибо всякий, рожденный от Бога, побеждает мир; и сия есть победа, победившая мир, вера наша (1 Ин. 5, 3-4).

По благословению митрополита Калужского и Боровского Климента

О Боге и вере

Предлагаем вашему вниманию самые яркие и наиболее значимые мысли Фёдора Михайловича Достоевского, вложенные им в уста своих героев или же высказанные им самим в многочисленных статьях и заметках. Это мысли касаются главных тем, волновавших писателя всю его творческую жизнь: вера и Бог, человек и его жизнь, творчество, современность, нравственность, любовь и, конечно же, Россия.

...Нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее, совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной».

***

…Если исказишь Христову веру, соединив её с целями мира сего, то разом утратится и весь смысл христианства, ум несомненно должен впасть в безверие, вместо великого Христова идеала созиждется лишь новая Вавилонская башня.

(Вступительное слово, сказанное на литературном утре в пользу студентов С.–Петербургского университета 30 декабря 1879 г.)

***

Если мы не имеем авторитета в вере и во Христе, то во всем заблудимся.

(Дневник 1881. XXVII. С. 85)

***

Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация. А высшая идея на земле лишь одна и именно – идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные «высшие» идеи жизни, которыми может быть жив человек, лишь из одной неё вытекают.

(Дневник писателя. XXIV. С. 48)

***

…Без веры в свою душу и её бессмертие бытие человека неестественно, немыслимо и невыносимо.

(Дневник писателя. XXIV. С. 46)

***

Совесть без Бога есть ужас, она может заблудиться до самого безнравственного.

(Дневник 1881. XXVII. С. 56)

***

Дух Святый есть непосредственное понимание красоты, пророческое сознавание гармонии, а стало быть, неуклонное стремление к ней…

(Заметки к «Бесам». XI. С. 154)

***

…Бывает материна радость, когда она первую от своего младенца улыбку заприметит, такая же точно бывает и у Бога радость всякий раз, когда он с неба завидит, что грешник пред ним от всего своего сердца на молитву становится.

(Идиот. VIII. С. 183–184)

***

Добрые дела не остаются без награды, и добродетель всегда будет увенчана венцом справедливости Божией, рано ли, поздно ли. (Бедные люди. I. С. 105)

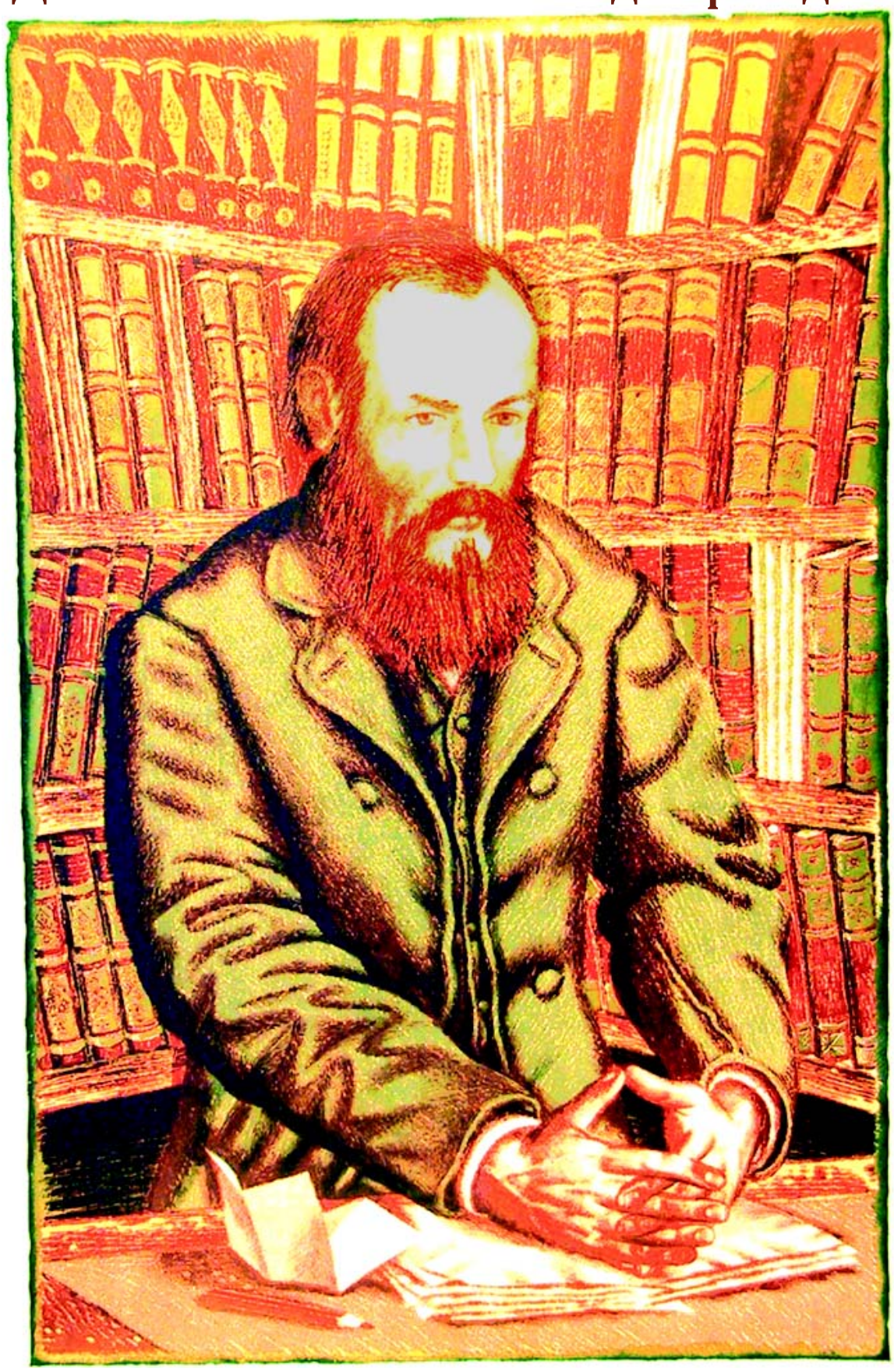
***

…Уничтожьте в человечестве веру в свое бессмертие, в нем тотчас же иссякнет не только любовь, но и всякая живая сила, чтобы продолжать мировую жизнь. Мало того: тогда ничего уже не будет безнравственного, всё будет позволено.

(Братья Карамазовы. XIV. С. 64–65).

«МОЯ ОСАННА ХРИСТУ»

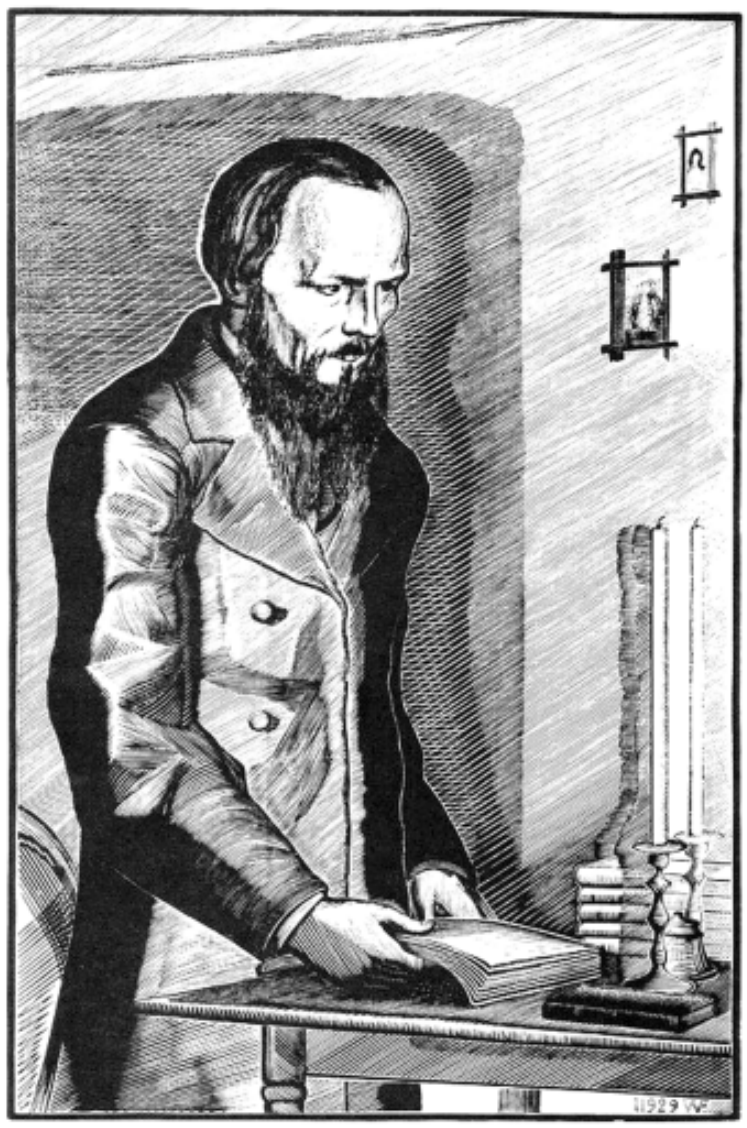
Достоевский: 200 лет со дня рождения



НА КАЛУЖСКОЙ ЗЕМЛЕ

Достоевский и Оптина пустынь

Поездка Фёдора Михайловича Достоевского в Оптину пустынь в июне 1878 года была одним из важнейших событий духовной жизни писателя. Вызванная личным переживанием смерти младшего сына Алёши, она во многом определила творческие идеи и характер романа «Братья Карамазовы». Встреча с Оптинским старцем Амвросием подвела итог многолетним духовным и творческим исканиям писателя.



Об этой поездке сообщают все биографии и биографические очерки жизни Достоевского. Первый источник – это письмо Ф.М. Достоевского жене от 29 июня 1878 г., написанное сразу после возвращения из Оптиной пустыни из Москвы, в котором изложены подробности поездки в монастырь.

25 июня, в воскресенье, Достоевский приехал в Оптину пустынь. О самом пребывании в монастыре в письме сказано чрезвычайно кратко: «В Опт[иной] пустыни были двое суток. Затем поехали обратно на тех же лошадях». Возвращение в Москву, судя по всему, тем же путём заняло два дня. Всё путешествие продлилось семь дней. Заканчивает письмо Достоевский обещанием: «Обо всём расскажу, когда приеду».

Итак, Достоевский пробыл в Оптиной пустыни три дня, или двое суток, что подтверждается также записью в монастырской «Книге записей приезжающих посетителей», где пребывание писателя помечено 25, 26, 27 числами июня.

По нашему мнению, Достоевский приезжал в Оптину, имея цель совершить поминовение сына на сороковой день его смерти. Выявление этого факта позволяет восполнить картину пребывания писателя в Оптиной пустыни.

Второй источник – «Воспоминания» А. Г. Достоевской, воспроизводящие, по-видимому, устный рассказ Фёдора Михайловича:

«Вернулся Фёдор Михайлович из Оптиной пустыни как бы умиротворенный и значительно успокоившийся и много рассказывал мне про обычаи пустыни, где ему привелось пробыть двое суток. С тогдашним знаменитым старцем отцом Амвросием Фёдор Михайлович виделся три раза: раз в толпе при народе и два раза наедине – и вынес из его бесед глубокое и проникновенное впечатление. Когда Фёдор Михайлович рассказал старцу о постигшем нас несчастии и моём слишком бурно проявившемся горе, то старец спросил его, верующая ли я, и когда Фёдор Михайлович отвечал утвердительно, то просил передать мне его благословение, а также те слова, которые потом в романе старец Зосима сказал опечаленной матери <...> Из рассказов Фёдора Михайловича видно было, каким глубоким сердцеведом и провидцем был этот всеми уважаемый старец».

Третьим – и самым содержательным – источником являются заметки А. Г. Достоевской на полях издания сочинений Достоевского 1906 года. На полях главки «Верующие бабы» Анна Григорьевна сделала заметки, которые свидетельствуют, что диалог верующей бабы со старцем Зосимой в романе основывается на реальной беседе Достоевского со старцем Амвросием:

«Эти слова передал мне Фёдор Михайлович, возвратившись в 1878 года из Оптиной пустыни; там он беседовал со старцем Амвросием и рассказал ему о том, как мы горюем и плачем по недавно умершему нашему мальчику. Старец Амвросий обещал Федору Михайловичу «помянуть на молитве Алешу» и «печаль мою», а также «помянуть нас и детей наших за здравие». Фёдор Михайлович был глубоко тронут беседою со старцем и его обещанием за нас помолиться».

Однако есть ещё один неучтённый «мемуарист» – сама Оптина пустынь. Дело в том, что посещение Достоевским Оптиной не осталось незамеченным и запечатлелось не только записью в «Книге приезжающих посетителей».

...Наиболее значительное суждение о Достоевском принадлежит великому Оптинскому старцу иеросхимонаху Амвросию (Гренкову; 1812-1891). Оно было зафиксировано и впервые опубликовано духовным писателем Е. Н. Поселяниным (Погожевым), который, как и К. Н. Леонтьев, был духовным чадом старца Амвросия, неоднократно приезжал в Оптину пустынь, специально собирал материалы по старцу Амвросию. Сразу после кончины старца Амвросия (†10 октября 1891 г.) Е. Поселянин опубликовал в «Душеполезном чтении» очерк «Отец Амвросий: его советы и предсказания», в котором привел слова старца Амвросия о Достоевском после их келейной беседы наедине: «Отец Амвросий постиг сущность смирившейся души писателя и отозвался о нём: «Это – кающийся».

Это слово старца Амвросия о Достоевском, видимо, было широко известным среди Оптинской братии. Независимо от Е. Поселянина его пересказывает проживавший на покое в Оптиной пустыни архимандрит Агапит (Беловидов; 1843-1921?) в составленном им наиболее полном жизнеописании старца Амвросия: «Любил также старец побеседовать и с мирскими благочестивыми, в особенности образованными, людьми, каковых бывало у него немало. Посещали старца и светские писатели, как, например, Достоевский и В. С. С[оловьев]. О первом из них старец с свойственною ему проницательностью отозвался: «Это – кающийся».

Кающийся – значит сущностно верующий, правоверующий, православный. Глубина покаяния показывает степень облагодатствованности человека. В церковном смысле даже святость подвижника определяется мерою его покаяния.

В периодически возникающей, начатой ещё Леонтьевым полемике о православности Достоевского необходимо прежде всего вспомнить это суждение старца Амвросия Оптинского, которое является словом святого преподобного отца Русской Православной Церкви.

Интересно сравнить отзыв старца Амвросия о Достоевском со столь же кратким, но совершенно противоположным по смыслу его отзывом о Л. Н. Толстом. И. Концевич со слов Эльмера Мода, «друга и биографа Толстого», описывает последнюю встречу Толстого и старца Амвросия в 1890 году (за год до кончины последнего): «Войдя к старцу, Толстой принял благословение и поцеловал его руку, а выходя, поцеловал в щеку, чтобы избежать благословения. Разговор между ними был столь острым и тяжелым, что старец оказался в полном изнеможении и еле дышал. «Он крайне горд», – отозвался о нём отец Амвросий».

Покаяние и гордость – диаметрально противоположные понятия. Гордость – это отсутствие, невозможность покаяния, и, наоборот, покаяние – преодоление гордости. Пожалуй, о Толстом так кратко и так ёмко тоже никто не говорил.

После кончины старца Амвросия его преемником по старчеству стал его келейник иеросхимонах Иосиф (Литовкин; 1837-1911), который также собирал рассказы о своём духовном отце. В 1898 году старец Иосиф послал в журнал «Душеполезное чтение» пространное письмо, в котором изложил собранные им сведения о пребывании в Оптиной пустыни некоторых знаменитых писателей. Редакция опубликовала письмо в виде статьи под названием «Н. В. Гоголь, И. В. Киреевский, Ф. М. Достоевский и К. Н. Леонтьев перед старцами Оптиной пустыни».

Достоевскому посвящён всего лишь один абзац. Тем не менее, он представляет большую ценность, так как отец Иосиф, будучи в то время келейником старца Амвросия, мог быть очевидцем посещения Достоевского.

«Среди старожилов нашей обители сохраняется воспоминание о посещении оной в 1877 году (ошибка! – в 1878 г. – Г.Б.) другим знаменитым нашим писателем, Ф. М. Достоевским. Подолгу длились его беседы со старцем отцом Амвросием о многих насущных вопросах духовной жизни и спасении души. Вскоре затем появились в печати «Братья Карамазовы», написанные отчасти под впечатлением посещения его Оптиной пустыни и бесед с отцом Амвросием».

В этой простой записи важно свидетельство старца Иосифа о теме беседы Достоевского и старца Амвросия – «о многих насущных вопросах духовной жизни и спасении души». Э то не просто общие слова, но точное указание действительной темы беседы.

Так же важно, что старец Иосиф признает, что «Братья Карамазовы» написаны «под впечатлением посещения Оптиной пустыни и бесед с отцом Амвросием».

Восприятие образа старца Зосимы как отражение реального старца Амвросия имело неожиданное продолжение в реальной действительности, когда уже саму Оптину пустынь и оптинских старцев стали воспринимать через призму романа «Братья Карамазовы» и образ старца Зосимы.

Этот «обратный эффект» относится, прежде всего, к старцу иеросхимонаху Анатолию (Потапову; 1855-1922). Он был также учеником и келейником старца Амвросия, одним из его духовных наследников. В начале XX века отец Анатолий был признанным Оптинским старцем, духовным наследником старца Амвросия, к которому приезжало много интеллигентной публики (в том числе П. Флоренский).

Вот что писал студент Санкт-Петербургской духовной академии И. Смоличев, побывавший у старца Анатолия в 1912 году: «Келия иеромонаха Анатолия находится при одном из маленьких храмов, в коридоре которого постоянно ожидают богомольцы, жаждущие благословения отца Анатолия. Перешагнув порог скромной келии, мы увидели перед собой небольшого роста, слегка согбенного старичка, иеромонаха, лет шестидесяти, но ещё бодрого на вид и необыкновенно подвижного и оживленного; со светлой улыбкой и ласковой, несколько торопливой речью он приветствовал нас. Яркий образ Зосимы – олицетворение идеального, светлого, божественного – невольно всплыл в нашем представлении при виде одухотворённого, детски светлого лица батюшки отца Анатолия».

Литературный герой определил восприятие действительности. Роман «Братья Карамазовы» для русской читающей публики стал своего рода путеводителем по Оптиной.

В 1995 году в альманахе «Оптина пустынь» были опубликованы «Записки» протоиерея Сергия Сидорова, кото-

Продолжение на стр. 8.

ТОЧКИ НАД «i»

Лев Толстой и Достоевский

Как два современника относились друг к другу и ко Христу и что мешало им встретиться в литературе и в жизни

Это письмо Толстой отправил своему другу и многолетнему корреспонденту философу Николаю Страхову сразу, как только узнал о смерти Достоевского. Письмо носит характер исповеди, написано в 1881 году, то есть как раз в то время, когда Толстой чувствовал себя особенно одиноким на своём новом пути. Человека, которого он никогда не видел, с которым нередко расходился во взглядах и эстетических вкусах, он называет своим другом, самым-самым близким, дорогим, нужным («это моё»), опорой, которая «вдруг отскочила». Присутствие Достоевского в мире Толстого было очень важным, необходимым, по ощущению Толстого. С уходом Достоевского что-то существенно изменялось. Почему?

Оба великих русских писателя были современниками, но при этом никогда не встречались и не обменялись ни одной строчкой в письмах. Кроме того, они были очень разными людьми и очень поразному смотрели на мир. Именно поэтому по отношению к ним я употребил специальный термин – «невстреча».

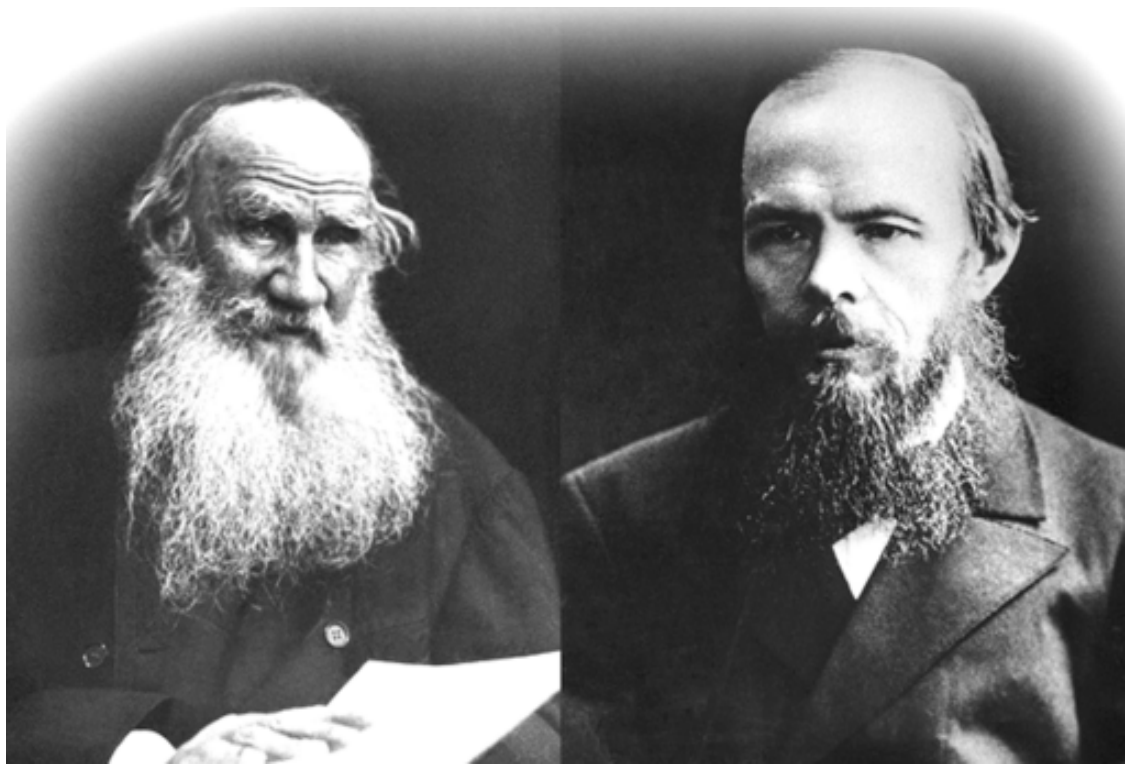
Говоря о невстречах Толстого и Достоевского, я имею в виду идейные встречи – пересечения на перекрестках мыслей, чувства, интуиции, истории, когда по каким-то важным обстоятельствам, связанным с особенностями психодуховной конституции, Толстой и Достоевский расходятся в разные стороны. Или, ещё более формально, это встречи их текстов и встречи в их текстах, когда они либо прямо говорят друг о друге, либо говорят о чём-то важном для обоих, то есть обсуждают, по сути, одни и те же вопросы, но уже не обязательно при этом упоминая друг о друге.

Эти пересечения всегда показывают, насколько по-разному эти два человека смотрели на жизнь и веру. И оказывается, что таких идейных невстреч в их жизни было достаточно много, но только один раз Толстой и Достоевский имели реальную физическую возможность встретиться друг с другом.

10 марта 1878 года они оба присутствовали на публичной лекции молодого магистра философии, доцента Московского университета, в будущем отца русской религиозной философии Владимира Соловьёва. Санкт-Петербургские лекции Соловьёва, прочитанные по поручению Общества любителей духовного просвещения, начались с Великого поста в январе 1878 года и составили знаменитый цикл «Чтений о Богочеловечестве».

Писатели даже не подозревали, что они оба одновременно находятся в лекционном зале. Причём Достоевский присутствовал на лекции с женой Анной Григорьевной. В этом же зале находился человек, который был знаком и с

«Как бы я желал уметь сказать всё, что я чувствую о Достоевском. <…> Я никогда не видел этого человека и никогда не имел прямых отношений с ним, и вдруг, когда он умер, я понял, что он был самый, самый близкий, дорогой, нужный мне человек. Я был литератор, и литераторы все тщеславны, завистливы, я, по крайней мере, такой литератор. И никогда мне в голову не приходило меряться с ним – никогда. Всё, что он делал (хорошее, настоящее, что он делал), было такое, что чем больше он сделает, тем мне лучше. Искусство вызывает во мне зависть, ум тоже, но дело сердца только радость. Я его так и считал своим другом и иначе не думал, как то, что мы увидимся, и что теперь только не пришлось, но что это моё. И вдруг за обедом – я один обедал, опоздал – читаю: умер. Опора какая-то отскочила от меня. Я растерялся, а потом стало ясно, как он мне был дорог, и я плакал и теперь плачу».



Толстым, и с Соловьёвым, и с Достоевским, – это был упоминавшийся Николай Страхов. Но по какой-то загадочной причине, до сих пор до конца не выясненной, он не счёл нужным познакомить двух писателей. Теперь существует целая научная литература по вопросу, почему же всё-таки Страхов этого не сделал.

Ситуация действительно сложилась совершенно парадоксальная: два великих русских писателя не смогли познакомиться друг с другом, при этом каждый из них в отдельности был прекрасно знаком со многими другими современниками – с Тургеневым, Гончаровым, Некрасовым, Островским. Видимо, здесь имело значение некое особое обстоятельство. Дело в том, что Николай Страхов – человек сложный, мнительный и завистливый – понимал своё собственное значение в передаче всему миру той или иной информации о Толстом и Достоевском и не хотел эту позицию друга, наперсника (в первую очередь для Толстого) и корреспондента терять. Ибо знакомство и дружба с Толстым – «немалый моральный капитал»?.

Я хотел бы обратить внимание ещё на одну очень важную невстречу. Двоюродная тётка Толстого, графиня и фрейлина Александра Андреевна Толстая, познакомившись с Достоевским незадолго до его смерти, признавалась в своих воспоминаниях, что «часто спрашивала себя, удалось ли бы Достоевскому повлиять на Толстого». Мы можем сколько угодно гадать на эту тему, но доподлинно известно, что за 17 дней до смерти Достоевского, а именно 11 января 1881 года, Александра Андреевна Толстая передала последнему одно из писем, полученных ею от Толстого. Прочитав его, Достоевский схватился за голову и воскликнул: «Не то, не то!»

Но что именно «не то»? Текст, который видел и читал Достоевский, – это письмо Толстого тётушке от 2 или 3 февраля 1880 года. В этом письме Толстой заявляет, что не может верить в то, что представляется ему ложью, и не только не может, но и уверен, что в это верить нельзя. Что «бабушка» (так в шутку писатель называл фрейлину, которая была на 11 лет его старше) верит «с натуги», то есть заставляет себя верить в то, что не нужно ни её душе, ни отношениям этой души с Богом. Такое насилие над душой и совестью есть кощунство и служение князю мира сего. В этом же самом письме Толстой провозглашает, что вера в Воскресение, Богородицу, искупление есть для него также кощунство и ложь, творимые для земных целей.

Интересно, что Толстой указывает на невозможность для мужчин с образованием «бабушки» верить в такие истины. В финале письма Толстой призывает «бабушку» проверить, крепок ли тот лёд, на котором она стоит, и говорит ей: «Прощайте!» Сам писатель «чуть-чуть со вчерашнего дня» открыл для себя эту новую веру, но вся его жизнь с этого момента переменилась: «Всё перевернулось, и всё стоявшее прежде вверх ногами стало вверх головами». Конечно, для Достоевского это открытие Толстого не могло быть чем-то близким и сродным. Он планировал отвечать Толстому, но, к сожалению для нас всех, не смог из-за скоропостижной смерти реализовать свой замысел.

Очень интересный комментарий к реакции Достоевского, вот к этому «Не то, не то!» на письмо Толстого, Александра Андреевна даёт в своём письме, более позднем, жене писателя Софье Андреевне Толстой. Сравнивая Толстого и Достоевского, «бабушка» отмечает, что оба горели любовью к людям, но последний, то есть Достоевский, цитирую, «как-то шире, без рамки, без материальных подробностей и всех тех мелочей, которые у Лёвочки стояли на первом плане. А когда Достоевский говорил про Христа, то чувствовалось то настоящее братство, которое соединяет нас всех в одном Спасителе. Нельзя забыть выражение его лица, ни слов его. И мне сделалось тогда так понятно то громадное влияние, которое он имел на всех без различия, даже и на тех, которые не могли понять его вполне. Он ни у кого ничего не отнимал, но дух его правды оживлял всех».

Говоря о Толстом и Достоевском, всегда поражаешься тому, как по-разному сложились их биографии. Оба будущих писателя были представителями одного поколения: Достоевский родился в 1821 году, а Толстой – в 1828-м. И оба они дворяне. Но насколько разные: Толстой был самым именитым русским литератором и состоял в родстве с известнейшими дворянскими фамилиями России. Почти все предки Толстого принадлежали к поместному дворянству и прошли через «государеву службу». Достоевский не может похвастать такой биографией и родней. Он всю жизнь, в отличие от Толстого, испытывал большую нужду.

Оба писателя в середине 50-х годов находились в довольно трудных жизненных обстоятельствах. Но если Толстой в Крыму на войне имел возможность заниматься литературой, вести дневник, стал, по отзывам современников, храбрым офицером, то Достоевский, лишённый всех прав состояния, на каторге и в ссылке в Сибири, должен был фактически начинать жизнь заново, имея возможность читать только одну книгу, и этой книгой было Евангелие.

И так во всём – или почти во всём. Если один богат, то другой беден. Если один получает баснословные гонорары, то другой пишет ради куска хлеба. Если один буквально боготворит Руссо и почитает его за призыв возвратиться к естественному состоянию человечества, то другой к Руссо относится очень критично и равнодушно. И, наоборот, в жизни Толстого Вольтер не сыграл значительной роли, а для Достоевского это очень важный автор, влияние которого, например, очень хорошо прослеживается в скептицизме Ивана Карамазова. Если один становится всемирно известным писателем сразу после выхода «Анны Карениной», то второму долго придётся доказывать свою гениальность. В середине 1850-х годов и тот и другой создают два крайне примечательных документа. Это своеобразные «символы веры», то есть тексты, отражающие их религиозные представления. Хотя тексты эти созданы достаточно молодыми людьми, они имеют огромное значение для понимания их мировоззрения.

Вот «символ» Толстого, датируемый 1855 годом:

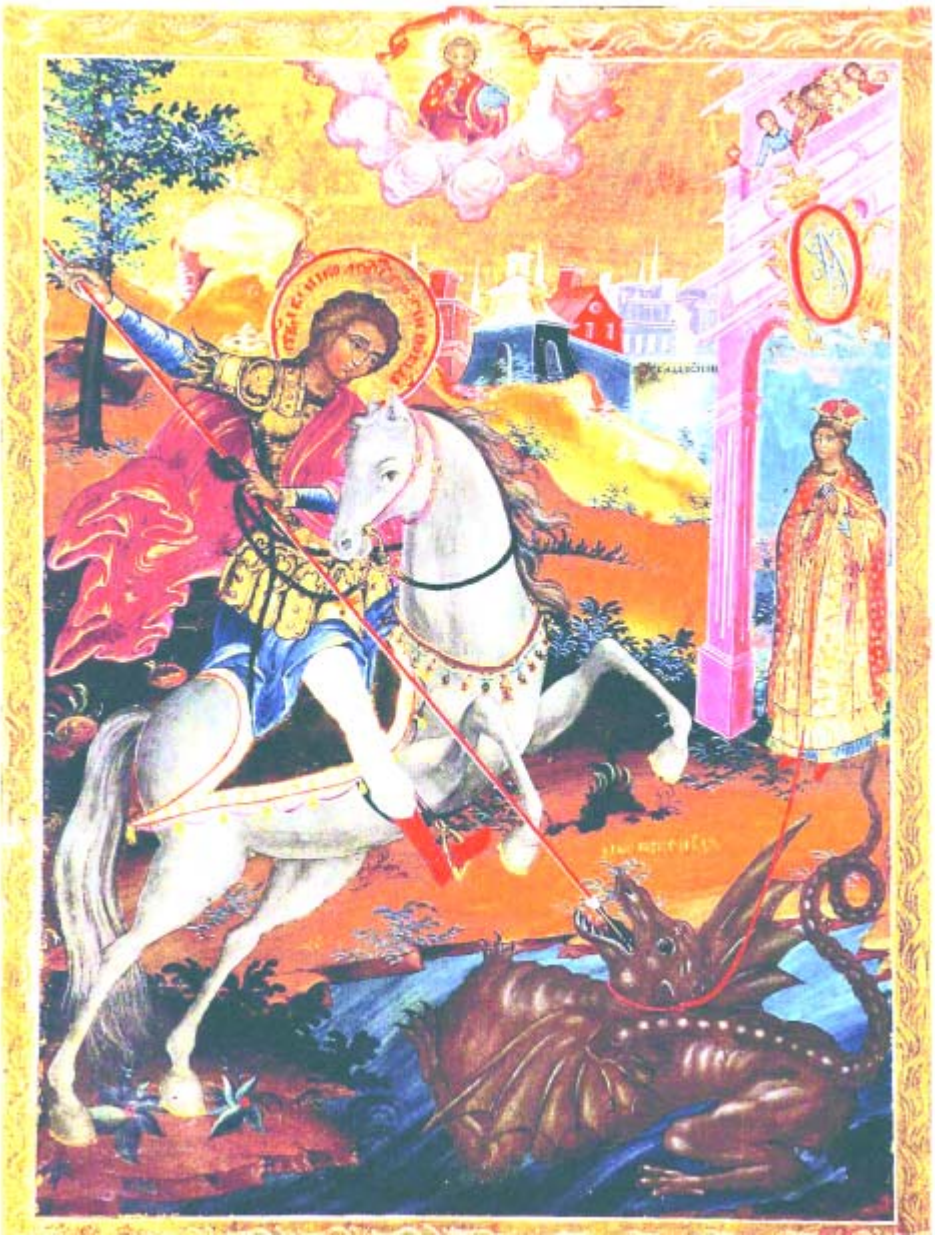
«Вчера разговор о божественном и вере навел меня на великую громадную

Продолжение на стр. 6.

УМОЗРЕНИЕ В КРАСКАХ

«Писанъ в Калуги»

О старинных калужских иконах мы попросили рассказать искусствоведа, члена Ассоциации искусствоведов России, Михаила Алексеевича Чернова. Наш собеседник – коллекционер, первый заместитель главного редактора и директор раздела икон журнала «Антиквариат. Предметы искусства и коллекционирования» Каковы отличия калужских икон от всех других, дошли ли иконы калужских мастеров до нашего времени и где их можно увидеть – на эти и другие темы шёл наш разговор.



Икона «Чудо Георгия о змие» Георгиевский собор г. Калуги

– Михаил Алексеевич, есть ли такое понятие как «Калужская школа иконописи», или калужские иконы – часть иной иконописной традиции?

– О школе говорить сложно. Я считаю, что Калуга является самостоятельным иконописным центром. Стилистические и художественные особенности калужской иконы отличаются от иных центров, будь то Ярославль, города Поволжья, Палех, Мстёра, Владимирские иконописные сёла, Север и прочие.

Калужская икона, как самостоятельное явление, существует. Мы просматриваем её развитие примерно с первой трети 18-го века – до середины 19-го, то есть на протяжении ста с лишним лет. До того её самостоятельное существование выделить было сложно. Если говорить о выработке самостоятельного стиля, то расцвет калужской иконописи – это конец 18 века. Позже, со второй половины 19 века, в связи с общим упадком промышленности Калуги и её развития, не стало и самостоятельной иконописи, такой, которую можно было бы увидеть и сказать: да, это та самая Калуга.

И привозных икон в Калуге было очень много. Они изготавливались в разных иконописных центрах, в том числе, во Владимирских иконописных сёлах. К примеру, было заказано очень много маленьких и больших раздаточных икон преподобного Тихона Калужского в дупле дуба к 400-летию празднования памяти святого Тихона. В Калужскую губернию тогда приехало много паломников, и им дарили эти иконы.

– Что же отличало калужскую икону от других, в том числе от привозных икон?

– Прежде всего, личным и колористическим решением. Дело в том, что Калуга, с конца 17 – начала 18 века, была тесно связана с традицией Оружейной палаты. И мастера Оружейной палаты работали в Калужской епархии, и сами калужане этот стиль очень хорошо копировали. Но, в отличие от самих мастеров Оружейной палаты, калужане, уже в 1720-1730-е годы, внесли ряд таких колористических решений в свои иконы, как доминанта розовых, малиновых цветов, так же присутствие синего, серого, бирюзового.

Эти особенности можно увидеть на иконе Божией Матери Иерусалимская, написанной иконописцем Семёном Фалеевым. Икона находится в храме святого Георгия Победоносца, что за верхом. По сути это реминисценция Оружейной палаты, но уже с местным колоритом, особенно с розовыми фонами святых. Вот здесь, на этой иконе Семёна Фалеева, мы уже усматриваем зародыши местного стиля.

Св. Иоанн Предтеча.Георгиевский собор г. Калуги

Были и другие калужские иконописцы, тот же Роман Родионов, Тимофей Петров, который написал знаменитую Корсунскую икону Богородицы. Она находится сейчас в Государственном историческом музее, в Москве.

На обороте этой иконы есть пространственная надпись, которая гласит, что калужским иконописцем создан список знаменитой иконы, которая была в Калуге, в церкви святого Георгия, что за лавками. В частности, там говорится, что «Сие истинное изображение подобие и мера с самого чудотворного образа зовомые Корсунския: яже имеется в Богоспасаемом граде Калуге. В церкви святаго славного великомученика Георгия… а написася сей святый образ того града Калуги и тояж церкви тщанием и труды церковни изуграф Тимофеем Петровым (ноя) бря 13 дня в 1730 году. Мы же молитвами Ея возложим упование свое на Бога иже слепые просвещающие и младенцы умудряющего. Да избавит нас Господь Бог вечные муки и от всякого зла. Ныне и присно и во веки веков»

На иконе Тимофея Петрова мы так же видим тот самый калужский колорит с преобладанием малиновых, розовых цветов, и лики написаны в традициях Оружейной палаты, с характерно выразительными глазами.

Прекрасный образец калужской иконописи – знаменитое «Благовещение». Эта икона находится в церкви святого Николая на Козинке. Икона ранняя, первой трети 18 века. На ней мы также видим характерный калужский колорит. Эти цвета потом станут определяющими. Ещё раз: это все оттенки розового, холодного малинового, холодный синий, несколько оттенков серого и бирюзовый цвет в виде позёма. Позём – это изображение травы, пологих горок, которые у калужан обычно изображались холодным бирюзовым цветом. В иконах – преобладание холодных цветов над тёмными.

– Розовые малиновые цвета – вспоминается ярославская иконописная школа.

– Там в доминанте больше красный. И лики другие. Хорошо, когда есть возможность посмотреть, как разные центры, тот же Ярославль или Калуга, решали колористически или стилистически тот или иной образ или сюжет. Это всегда очень показательно.

– Как правило, иконописцам заказывали написание той или иной иконы? Кто были эти люди?

– Купцы, в том числе старообрядцы, которых было немало в Калуге, будучи богатыми людьми, заказывали хорошие дорогие богатые иконы и таким образом спонсировали развитие элитарного иконописного направления. Калужская икона, безусловно, элитарна, это не расхожие письма, которые десятками, сотнями писались на продажу. Нет, это элитарное искусство.

– Элитарное – значит, единичное?

– Любая икона единична. Элитарное

Икона «Утоли моя печали» Георгиевский собор г. Калуги

Икона «Благовещение» Свято-Никольский храм г. Калуги

в том плане, что уровень исполнения иконы был очень высок. Бывали иконы, которые писали в тех же владимирских сёлах на продажу, на потребу паломникам, как раздаточные. Их писали много. Это – скоропись. А калужские иконы – очень высокого письма. Не было расхожих, простеньких вещей. Эти иконы – умозрение в красках. Для православного человека важно, что бы икона была объектом духовного поклонения и красоты.

– Были ли преемники у калужских иконописцев, какая-то ниточка протянулась или она исчезла?

– Да, ниточка всегда оставалась, благодаря таким мастерам как Семён Фалеев, Тимофей Петров их последователи. В любом иконописном центре есть ведущие мастера, и есть иконописцы, которые пытаются копировать этот стиль, поскольку он нравится местным купцам, заказчикам.

– Где можно увидеть старинные иконы калужского письма?

– В первую очередь, в калужских храмах, потому что в музеях достаточно мало представлена калужская икона. Если кому-то из читателей будет интересно увидеть настоящую калужскую икону периода её расцвета, то есть конца 18 века, и более ранние вещи, как фалеевскую Иерусалимскую икону Богоматери – она 1740-го года, или Благовещение тоже того же времени: начала 18 века – первой его трети, то надо идти в храм. В Калуге это храм святого Георгия за верхом, Троицкий собор и храм Николы на Козинке. Там можно увидеть старинные калужские иконы, полюбоваться ими и помолиться.

Беседовала Юлия БЕЛКИНА.

Из статьи Татьяны Нечаевой и Михаила Чернова «Писанъ в Калуги…». Калужские иконы XVIII-XIX веков:

«Несмотря на то, что большая часть церквей была разрушена и лишена своего иконного убранства, в калужских храмах ещё сохраняются как отдельные иконы, так и целые комплексы. Все они отличаются своеобразием, на основании изучения которых можно сделать заключение о самостоятельном развитии калужской иконы и её высоком художественном уровне. Безусловно, основополагающее влияние на ее формирование оказала художественная культура барокко, воспринятая местными иконописцами через творчество мастеров Оружейной палаты.

Один из наиболее известных храмов города – церковь Георгия «за верхом», построенная в 1700-1701 годах на средства купеческой старообрядческой семьи Коробовых, известной своими богатствами (Коробовым принадлежал один из первых каменных домов в Калуге), а также своими многочисленными благотворительными вкладами в монастыри Ветки. Храм был возведен на месте деревянного, известного по описи 1685 года. После перестройки ряд икон из старой церкви перенесли в новую, часть из которых сохранилась до настоящего времени. В 1766-1767 годах двухэтажный храм был украшен росписью, и в 1770-1780 годах в нём был установлен новый иконостас.

В верхнем храме находится икона калужского иконописца Семёна Фалеева «Богоматерь Иерусалимская», созданная в 1740 году как повторение чудотворного образа, написанного мастером Оружейной палаты. В нижней её части помещена пространная надпись: «1740 год написан сей святый образ Иерусалимские Богородицы в церковь Воздвижения честнаго Креста Господня, что за Верхом, тщанием тояж церкви прихоженина Тихона Неклюдова. Иконописец Семен Фалеев». Семён Фалеев, житель города Калуги, упоминается в разных документах в 1717-1740-х годов».

Аналогичные стилистические черты можно наблюдать в иконах первой половины XVIII века из той же церкви: «Богоматерь Знамение», «Святой Иоанн Богослов в молчании», «Святой Николай Чудотворец», «Святой Иоанн Предтеча» и «Святые Гурий, Самой и Авив». В них мы также видим следование традициям Оружейной палаты в написании личного, одежд, фона, полей и палеографии, хотя уже наблюдается некоторое упрощение в карнации ликов.

К этому периоду можно отнести и икону «Благовещение» из храма Николы на Козинке, куда она была перенесена из Благовещенской церкви. В этом блестящем образце местной иконописи обращает на себя внимание особый колорит, с преобладанием холодных цветов: розового, малинового в сочетании с синим, серым и бирюзовым. Эта особенность живописного решения, так ярко проявившаяся здесь, впоследствии станет определяющей в калужской иконописи, которая отличает её от произведений других центров Нового времени. Характерной деталью изображения является и изящный цветочный орнамент, нанесённый твореным золотом на одежды ангела. Этот приём становится излюбленным в работах калужских иконописцев.

…Произведения калужских мастеров обладают особым, присущим только им способом изображения пейзажа. Ландшафт на поземах, как правило, в меньшей степени ориентирован на известные голландские или другие западноевропейские образцы, более заметные в московских или палехских иконах XVIII века. При всей своей условности он обладает несомненными признаками местной среднерусской природы.

Художники пишут раскидистые деревья с широкими кронами, высокие пирамидальные ели, хрупкие прозрачные березки, песчаные берега речек и ручьев, пологие холмы. Растительность разных оттенков зеленого цвета написана с желанием точно передать каждую деталь, каждый отдельный лист и травинку. При этом изображение лишено графической сухости и линейной четкости, все детали объединяются легкой серовато-голубоватой дымкой.

В целом пейзаж калужских икон имеет холодный колорит, в нем преобладают синие, бирюзовые, серые цвета; теплые охристые и коричневые оттенки используются в меньшей степени и часто перекрываются голубовато-белыми приплесками.

Примерами высокого мастерства калужских иконописцев, в которых с большой виртуозностью использованы все указанные выше приемы, являются иконы третьей четверти XVIII века: «Святой Иоанн Богослов» из собрания А. Бойцова (Вологда) и «Святой Иоанн Предтеча с клеймами жития» из церкви Георгия. Указанные формы изображения пейзажа имели повсеместное широкое распространение…

В калужских храмах и в частных собраниях нами была выявлена группа икон с характерными повторяющимися надписями «Писанъ в Калуги…» с датами в буквенном обозначении. Все эти произведения относятся к первым десятилетиям XIX века и отличаются общими стилистическими признаками, что, как нам кажется, может служить указанием на их принадлежность к одной мастерской.

Одной из наиболее ранних икон этой группы, датированной 1806 годом, является «Богоматерь Утоли моя печали» из церкви Георгия «за верхом», где находился придел, посвящённый этому образу. По местному преданию, калужский купец Сысоев после избавления от болезни, которая застала его в Кенигсберге, заказал для Георгиевского храма список чудотворной иконы Богоматери «Утоли моя печали» из московской церкви Николы в Пупышах.

Вероятно, в связи с этим событием на иконе появляется текст кондака и надпись «Утоли болезни», а также изображения избранных святых на полях. Икона отличается чрезвычайно высоким мастерством исполнения: великолепный рисунок, точные пропорции, тонкое многослойное письмо личного, которое во многом продолжает традиции живописи более раннего времени.

Мастер использует излюбленный калужанами холодный колорит; особенно выразительны сочетания цветов синей туники с зеленым исподом мафория, украшенного характерным золотым орнаментом. Безусловно, в той же мастерской написан еще один образ «Богоматери Утоли моя печали», хранящийся в этой церкви. Их объединяет не только стилистика и время создания, но и точное совпадение в деталях, включая повторение состава святых на полях.

Иерусалимская икона Пресвятой Богородицы. Семён Фалеев. Георгиевский собор г. Калуги

Лев Толстой и Достоевский

Как два современника относились друг к другу и ко Христу и что мешало им встретиться в литературе и в жизни

Окончание. Начало на стр. 3.

мысль, осуществлению которой я чувствую себя способным посвятить жизнь. Мысль эта – основание новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство на земле. Привести эту мысль в исполнение я понимаю, что могут только поколения, сознательно работающие к этой цели. Одно поколение будет завещать мысль эту следующему, и когда-нибудь фанатизм или разум приведут её в исполнение. Действовать сознательно к соединению людей с религией – вот основание мысли, которая, надеюсь, увлечёт меня».

А вот как выглядит «символ» Достоевского. Он был сформулирован в письме, отправленном Наталье Дмитриевне Фонвизиной из Омска, где Достоевский в тот момент отбывал ссылку. Наталья Фонвизина – жена декабриста Михаила Фонвизина, последовавшая в ссылку за мужем в Сибирь в 1828 году. Знакомство с женами декабристов очень поддержало Достоевского по пути на каторгу. В январе 1850 года Наталья Дмитриевна подарила Достоевскому единственную книгу, которую он, в соответствии со строгими правилами содержания в заключении, сможет читать, – это Евангелие. И вот в письме 1854 года Достоевский, вспоминая этот эпизод, попутно формулирует своё понимание веры в Христа:

«Я слышал от многих, что Вы очень религиозны… Я скажу Вам про себя, что я – дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоило и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных. И, однако же, Бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен. В эти минуты я люблю и нахожу, что другими любим, и в такие-то минуты я сложил в себе символ веры, в котором всё для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее, совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной».

Возникает впечатление, что оба писателя в первой половине 1850-х годов шли в одном направлении, искали отправной точки, фундамента веры. И оба пережили при этом глубокий мировоззренческий, религиозный кризис. И для обоих фундаментом новой жизни стал Христос.

В «символах» писателя, созданных уже в ранней молодости, противопоставление того Христа, которого хочет знать Толстой, тому Христу, которого он знать не хочет и не может, выражено совершенно определённо. А вот у Достоевского, с моей точки зрения, этого противопоставления нет. Есть только Христос, которого он хочет любить. И Им любоваться. Но и он подчёркивает в своём видении Христа только человеческие качества. Пожалуй, только красота здесь стоит несколько особняком: для Достоевского всю жизнь это понятие значило гораздо больше, чем только эстетическую категорию. Так вот, образ Христа – это проблема, которая является одной из центральных в творчестве Достоевского, и в таком виде она почти не существовала для Толстого.

Фёдор Михайлович и Анна Григорьевна Достоевские

Поразительно, но очень часто те или иные формулировки Достоевского фактически были ответом на вопрошания Толстого, которые Достоевскому просто не могли быть известны. Я напомню, что Достоевский скончался в 1881 году, то есть в момент именно религиозного кризиса Толстого. После этого Толстой прожил ещё 30 лет. Вся жизнь Достоевского проходит в размышлениях над вопросом, который был так актуален и для Толстого: «Возможно ли серьёзно и вправду веровать?», «Можно ли веровать, быв цивилизованным, то есть европейцем, то есть веровать безусловно в божественность Сына Божьего Иисуса Христа?» (ибо вся вера только в том и состоит). И наконец, ещё одна формулировка: «Можно ли веровать во всё то, во что православие велит веровать?» И все эти формулировки берутся из подготовительных материалов к роману Достоевского «Бесы». В одном из своих писем Достоевский говорит, что самый главный для него вопрос – как заставить интеллигенцию согласиться с христианством: «Попробуйте заговорить – или съедят, или сочтут за изменника».

Итак, уже в ранних «символах» двух писателей заложено важное различие. Толстой со своим, можно так выразиться, панморалистическим отношением к жизни и действительности хочет слышать Христа, для него главным является вероучение, выраженное в Нагорной проповеди. Этим учением Толстой способен восхищаться и вдохновляться. Для Толстого Христос – только учитель, пусть и великий учитель. Это этический критерий, но он не хочет – скорее не может – видеть Христа. Для Достоевского главное здесь – не слышать, а именно видеть. Эстетический критерий является определяющим. В первую очередь важно не учение Христа, а сам лик Христов, неразрывно связанный с красотой. Красота лика Христова является, как скажет Достоевский несколько позже, страшной силой, спасающей мир. Спасающей, конечно, и учением, и заповедями.

Хотел бы немного сказать о разных методах – методах Толстого и Достоевского. Вот это различие их методов является, с моей точки зрения, достаточно яркой иллюстрацией сказанного выше, причём это различие в методах и творческих, и, можно сказать, духовных. Здесь слово «метод» я употребляю в очень широком смысле: это и художественный метод, и духовные установки, и всё, что с этим связано.

Метод Толстого – это выявление «инстинкта Божества» в живых существах. Что это такое – видно из следующей цитаты, то есть из записи, сделанной Толстым в дневнике в 1865 году: «Вчера увидал в снегу на непродавленном следу человека продавленный след собаки. Зачем у ней точка опоры мала? Чтобы она съела зайцев не всех, а ровно сколько нужно. Это премудрость Бога. Но это не премудрость, не ум, это инстинкт Божества. Этот инстинкт есть в нас».

Итак, что нам хочет сказать Толстой? В каждом человеке есть врождённый инстинкт, который, в частности, даёт ему представление о Боге. Но не только о Боге. Например, полководцу Кутузову в романе «Война и мир» этот инстинкт даёт способ не нарушать естественного хода событий и дождаться, так сказать, естественного конца, когда враг, то есть французы, Наполеон, будет повержен не с помощью каких-то особых военных ухищрений и стратегических планов, а просто потому, что такова логика войны. Этот инстинкт так же естественен, как нюх собаки или полёт пчелы в поиске пыльцы.

Теперь мы понимаем, почему Дмитрий Мережковский назвал Толстого «тайновидцем плоти». Дело в том, что для Толстого в этом земном мире нет тайн. Он знает, о чём думает лошадь, как ступает по снегу собака, куда и зачем летают пчёлы, на сколько именно цветков они должны сесть. Но важно, что это всегда земная перспектива, это всегда духовная горизонталь. Мысль Толстого, как правило, никогда не поднимается в заоблачные дали, не стремится к горнему, Толстого не интересуют вопросы о бессмертии души, о воскресении. Мысль Толстого привязана именно к земле. И тот же Мережковский назвал Достоевского «тайновидцем духа». Почему? Потому что, по мысли Достоевского, человеческая природа соприкосновенна мирам иным. «Миры иные» – это выражение старца Зосимы из последнего романа Достоевского «Братья Карамазовы». Что это такое – миры иные?

Старец Зосима говорит о том, что человеческое «я» не укладывается в земной порядок вещей, а ищет чего-то другого, кроме земли, «чему тоже принадлежит оно». На земле есть только одна высшая идея – идея бессмертия человеческой души. Все остальные человеческие высшие идеи вытекают из этой. Если эта идея так значительна для человека, для его бытия, то бессмертие есть нормальное состояние человека и всего человечества. Бессмертие души человеческой, с точки зрения Достоевского, существует несомненно. Именно поэтому сам Достоевский определял суть своего метода (причём художественного метода и духовного) следующим выражением: «реализм в высшем смысле». Это очень важная формулировка. Что она означает? Дело в том, что сам по себе метод реализма, конечно, был очень распространён в XIX веке и далее, – это попытка изобразить действительность так, как она нам представляется, со всеми её хитросплетениями, со всей грязью и так далее и тому подобное.

Так вот, Достоевский утверждает, что в этом смысле реализм не изображает действительность, он просто её копирует. Потому что за этой подкладкой, которую мы видим и которая проступает в писателях, в трудах писателей, присутствует некоторая религиозная подоснова, можно сказать евангельская подоснова. Метод Достоевского заключается в том, чтобы вскрыть эту евангельскую подоснову. Именно поэтому в романах Достоевского очень часто некий евангельский эпизод является ключевым.

Например, в романе «Преступление и наказание» переломным моментом является чтение Соней Мармеладовой Раскольникову повествования о воскрешении Лазаря. Я напомню, что воскрешение Лазаря – это один из главных, ключевых эпизодов Евангелия от Иоанна, четвёртого Евангелия, в котором говорится о том, что Христос воскрешает четверодневного мертвеца, то есть по всем законам человеческой жизни и логики человеческой этот человек воскреснуть уже никак не может. А вот Христос его воскрешает, и воскрешение Лазаря становится прообразом воскресения самого Христа.

А в романе «Братья Карамазовы» таким очень важным для понимания фабулы романа и замысла Достоевского эпизодом является глава «Кана Галилейская». Кана Галилейская – тоже эпизод, взятый из Евангелия от Иоанна, из второй главы, где говорится, что Христос совершает своё первое чудо: Он превращает простую воду в очень вкусное вино.

Это прообраз страданий Спасителя, указание на Его кровь, которая станет искупительной для всего человечества, и также это указание на будущее причащение, на Таинство евхаристии. Оба этих отрывка – и воскрешение Лазаря, и Кана Галилейская – очень мистические эпизоды. Достоевский говорит о том, что реализм в высшем смысле – это вскрытие этой евангельской мысли в действительной жизни.

Безусловно, оба писателя были причастны к тайне Божьего мира. Потому и восклицал Достоевский «Не то, не то!», что вместе с Толстым искал, а где же то. Потому и плакал Толстой о смерти Достоевского, столь дорогого ему человека.

Протоиерей Георгий ОРЕХАНОВ.

КАЛУЖСКИЕ СТИХИ

В 2021 году Калуга празднует 650-летие своего первого упоминания в документальных источниках. Это очень важная дата, которую отмечает весь город, каждый его житель. Один из них подготовил к этому событию книжку стихов о «милой Калуге», написанных им за последние несколько лет. Речь – о главном библиографе отдела краеведения Центральной городской библиотеки имени Гоголя, Ирине МАРКИНОЙ.

Поэзия Ирины Владимировны – это своеобразная летопись истории Калуги и знаменитых калужан. Сборник так и называется – «Калуга». Он разделен на несколько разделов, которые посвящены различным историческим эпохам областной столицы. Стихи посвящены Великой Отечественной войне, калужским улицам, знаковым событиям, а также знаменитым людям, которые в разное время проживали на территории областного центра. В сборник вошли и стихи, посвященные совсем недавним событиям. Например, как Калуга принимала участие в федеральном проекте и носила почётное звание «Новогодняя столица России».

Некоторые стихотворения из этого сборника представляем вашему вниманию.

Калуга. К 650-летию первого документального упоминания города

Старинный город над рекой Окой,
О сколько лет на страже Государства
Стоял ты и берёг его покой,
Храня зелёных лип живое царство.

Гостиного двора воскресный шум
И праздничных церквей звон колокольный
О сколько лет, приходит мне на ум,
Вас разносил повсюду ветер вольный!

Овраги, реки, речки, ручейки,
Их в имени твоём сокрыто чудо,
Мой милый город крыльями реки
Раскинулся и виден отовсюду.

Никитский храм города Калуги

В годы давние, коль скажет:
«Храм Никитский где?» –
странник Божий. Всяк укажет:
«В здешней слободе!
Вон! Ряды где гостевые,
Высоко стоит,
Все молитвы путевые
В тишине таит…
Странник Божий,
Ты с дороги храм наш посети,
И Господь тебе поможет
Сладить все пути…»
Много лет прошло: утратил звёзды-купола.
Стало тихо: колокольня в эти дни спала.
Детям в нём кино включали,
Позабыв о том,
Что их предки в час печали
Шли в Господний дом…
А теперь пора настала: звёзды-купола
Засияли, церковь стала
Лучше, чем была!
И когда прохожий спросит:
«Как её найти?» –
колокольный звон доносит:
«К храму – все пути!»

Крестный ход

Впереди – лишь звон.
Все дела мы – вон
За предел мирской,
За печаль с тоской,
За земную пыль…
Идём в монастырь:
Километры в ряд
Позади лежат.
А иконы свет –
Лучезарней нет –
Радугой горит,
С нами говорит:
«Ты иди, не трусь,
Не шепчи: боюсь,
Дальше не пойду,
Я с пути сойду,
Немощен и плох…
Милосерден Бог,
А Пречистой лик
В небесах велик.
За собой ведёт:
Устоит, дойдёт
Каждый, кто с крестом,
Каждый, кто с Христом!»

Преподобный Тихон Калужский

- Зеленеет бор окрест,
Чащу не пройти:
Для моей молитвы мест
Лучше не найти!
Дуп дуплистый, тишина,
Птицы лишь поют!
Вот и келья мне дана –
Страннику приют…
Рядом Вепрейка-река.
Что за благодать!
Лишь Господняя рука
Это может дать…
Он остался, с той поры
Минули века,
Но духовные дары
Нам несёт река.
Обнимая монастырь,
Видит: в вышине
Тот, кто ей читал Псалтирь
В звёздной тишине.
Помнит синяя вода –
Памятливей нас,
И все долгие года
Слышит его глас.

Калуга - Космос - Новый год!

Калуга - Космос - Новый год!
Ещё снежинок хоровод
Из зимнего этюда.
и кажется, что сказка вдруг,
Среди галактик сделав круг,
Пришла, мы ждали чуда!
И вот она открыла дверь
В чудесный мир нам, верь не верь,
Теперь она повсюду!

Читайте в следующем номере стихи Ирины Маркиной на военную тему.

ЧЕТЫРЕ ВЫСТАВКИ

К 200-летнему юбилею со дня рождения Ф. М. Достоевского Калужский музей изобразительных искусств и Калужская областная научная библиотека имени В.Г. Белинского проводят третью выставку совместного проекта «Достоевский. Дневник писателя».

Название проекта выбрано неслучайно. В нём, подобно уникальному моножурналу Ф.М. Достоевского «Дневник Писателя», выходившему в последние годы жизни автора и включавшему в себя заметки об актуальных событиях, воспоминания и художественные произведения, широко и разнообразно раскрывается личность автора и его творчество.

Весь проект состоит из четырёх камерных выставок, организуемых Калужским музеем изобразительных искусств совместно с Калужской областной научной библиотекой имени В.Г. Белинского.

Первая выставка была посвящена становлению писателя. Экспозиция второй выставки отражала выбор творческого направления Достоевским после возвращения из сибирской ссылки.

Зрители могли увидеть романы «Бесы» и «Преступление и наказание», которые принесли Федору Михайловичу славу всемирно известного писателя.

На выставке была представлена линогравюра одного из лучших иллюстраторов книг Достоевского в мире – белгородского графика Станислава Косенкова, а также гравюра 1830 г. мастерской К. Беггрова, изображающая такой вид Сенной площади с храмом Успения Пресвятой Богородицы (снесён в 1961 г.), какой мог бы наблюдать Родион Раскольников.

На третьей выставке зрители познакомятся с завершающими произведениями так называемого «великого пятикнижия» Достоевского. Роман «Подросток» впервые был напечатан в журнале «Отечественные записки» в 1875 году, чей оригинал майского номера предоставила библиотека Белинского. «Подростка» нередко называют «самым петербургским романом» автора за яркое описание города, поэтому в экспозиции представлена работа Мстислава Добужинского – одного из лучших графиков рубежа XIX-XX века, столь же тонко чувствующих Петербург, как Ф.М. Достоевский.

Спустя три года после издания «Подростка» писатель начал работу над романом «Братья Карамазовы». В это время он посетил мужской монастырь калужской епархии Оптину Пустынь, чьё описание попадёт в роман. А в экспозиции находятся две графические работы калужских художников Дмитрия Иванова и Бориса Пугачева, иллюстрирующие виды монастыря. Достоевский скончался через два месяца после завершения романа, который он посвятил любимой супруге Анне Григорьевне. В 1882 году она издала полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского, и два тома, которые включают в себя «Братьев Карамазовых», представлены на выставке.

Также экспозиция дополнена портретами писателя, выполненными известнейшим графиком первой половины XX века Владимиром Фаворским и московским художником Николаем Воронковым.

Выставка «Достоевский. Дневник писателя: “великое пятикнижие” состоялось» пройдёт с 19 августа по 15 октября 2021 года по адресу г. Калуга, ул. Ленина 103 (ИОВЦ).

Достоевский и Оптина пустынь

Окончание. Начало на стр. 2.

рый был духовным чадом старца Анатолия (Потапова) и часто в начале XX века приезжал в Оптину пустынь. Во время посещения Оптиной пустыни в 1916 году ему удалось побывать в келье старца Амвросия, в которой тот принимал Ф. М. Достоевского. Мемуарист писал: «Старец любезно показывал нам различные предметы домашнего обихода отца Амвросия. <...> Отец архимандрит поделился с нами и своими интересными воспоминаниями. Он присутствовал при знаменитом споре Достоевского с отцом Амвросием о вечных муках, когда Достоевский и Владимир Соловьев в 1879 (!) году посетили старца».

Что это за спор?

Был ли он или же это монастырская легенда? Д. И. Стахеев, со слов В. С. Соловьёва, вспоминал: «Фёдор Михайлович Достоевский, например, вместо того, чтобы послушно и с должным смирением внимать поучительным речам старца-схимника, сам говорил больше, чем он, волновался, горячо возражал ему, развивал и разъяснял значение произносимых им слов и, незаметно для самого себя, из человека, желающего внимать поучительным речам, обращался в учителя».

К воспоминаниям Стахеева нужно относиться достаточно осторожно. Скорее этот рассказ отражает впечатление, произведённое паломничеством Достоевского в монастырь на русскую либеральную общественность, к которой относился Стахеев.

Однако можно сделать вывод, что какая-то достаточно живая беседа произошла в келье старца Амвросия между старцем, писателем и философом.

Подытожить все имеющиеся сведения о «споре» в келье старца Амвросия можно следующим образом: спора в светском смысле этого слова не было. Судя по всему, это было «рассуждение мистическое»: о спасении души, о будущей жизни, о вечных мучениях. Возможно, именно здесь, в келье старца Амвросия, возникли некоторые идеи «Бесед и поучений старца Зосимы», в частности беседы «О аде и адском огне».

Поразительно, что предания о Достоевском сохранились в Оптиной пустыни вплоть до 1917 года, и даже в первые годы советской власти.

«Спор» в поздних оптинских преданиях обрёл некоторые «вещественные доказательства». Протоиерей Сергий Сидоров при описании кельи старца Амвросия сообщает: «Здесь были кресла, где сидел Гоголь, стул, который сломал во время спора со старцем Амвросием Достоевский». «Легенду о сломанном стуле» можно отнести к жанру монастырского – или околомонастырского фольклора. Этот анекдот мог возникнуть на потребу светских паломников, искавших «ярких подробностей» пребывания в Оптиной великих писателей.

Хотя стул, связанный с памятью Достоевского, всё же был. О нём упоминает старец Варсонофий (Плиханков; 1845-1913). Будучи в начале XX века скитоначальником Оптинского скита, он принимал посетителей в той же келье, что и старец Амвросий. Однажды в келейной беседе с духовными чадами он упомянул имя Достоевского: «Достоевский, который бывал здесь и сиживал на этом кресле…»

Итак, память о посещении Достоевским Оптиной имела и материальное выражение в виде «мемориального» кресла, что можно считать первым этапом музеефикации пребывания писателя в монастыре.

Однако в келье старца Амвросия речь шла не только «об адском огне», но и о рае. Старец схиархимандрит Варсонофий также был учеником старца Амвросия и, возможно, от своего учителя слышал диалог с Достоевским, который однажды достаточно подробно пересказал своим духовным чадам:

«Достоевский <...> говорил старцу Макарию (очевидно, что это ошибка, вместо «Амвросию». – Г.Б.), что раньше он ни во что не верил. «Что же вас заставило повернуть к вере?» – спрашивал его батюшка Макарий.

«Да я видел рай. Ах, как там хорошо, как светло и радостно! И насельники его так прекрасны, так полны любви. Они встретили меня с необычайной лаской. Не могу я забыть того, что пережил там, – и с тех пор повернул к Богу!» И действительно, повернул он круто, и мы веруем, что Достоевский спасён».

Здесь находится ценный материал для понимания «Сна смешного человека», но главное, что здесь мы соприкасаемся с тайной загробной участи души Достоевского. Старец Варсонофий заглянул, если так можно сказать, в посмертную биографию писателя. Как видим, Оптиной пустыни была открыта тайна Достоевского, и оптинские старцы знали её: «Мы веруем, что он спасён». По сути, старец Варсонофий сказал то же самое о Достоевском, что и старец Амвросий: «Это – кающийся», ибо покаяние, по учению святых отцов, есть “путь к спасению”.

Оптинские предания о Достоевском говорят о глубокой духовной связи и сродстве Достоевского и Оптиной пустыни. Достоевский, пробывший в монастыре всего три дня, тем не менее, остался в памяти Оптиной преданиями и легендами, реальными и вымышленными. Посещение Достоевским Оптиной пустыни стало не только для Достоевского событием его духовной жизни, но, как мы видели, также было примечательным событием и для истории самой Оптиной пустыни.

Можно сказать, что Оптина приняла Достоевского и запечатлела в своей памяти его образ. Более того, есть основание утверждать, что Достоевский соединился с образом Оптиной, так что уже невозможно понять и представить себе писателя без Оптиной или вне Оптиной, как, впрочем, наверное, и Оптину нельзя представить без Достоевского.

Протоиерей
Геннадий БЕЛОВОДОВ.

В газете использованы материалы из православных интернет-ресурсов: www.patriarchia.ru, www.sedmitza.ru.
Газета распространяется бесплатно. Адрес типографии: 248000 Калужская область г. Калуга, пл. Старый Торг, д. 5. Адрес редакции, издателя: 248000 Калужская область г. Калуга, ул. Набережная, д. 4.

PATRIARCHIA.RU

Учредитель: Централизованная православная религиозная организация - Калужская епархия Русской Православной Церкви (Московский Патриархат). Свидетельство о регистрации СМИ: Серия ПИ № 8-1406 от 25.02.2003, выдано Средне-русским межрегиональным территориальным управлением МПТР России.

Наша вера
№ 8 (209), 17 сентября 2021
и.о. главного редактора:
Ю.А. Белкина.
Подписано в печать (время по графику) в 10 -00.
Подписано в печать (время фактическое) в 12 -00.

Телефон: 56-27-00 (канцелярия Калужской епархии)
Тираж выпуска: 2000 экз.
Отпечатано: Фонд «Губерния»
Заказ №_____